

Николай Бухарин о применении индивидуального террора против Сталина

Жюль Эмбер-Дро

Введение

В советской литературе настойчиво утверждалось об участии Бухарина и его группы в террористической деятельности, направленной против Сталина. Помимо официальных партийных и государственных документов об этом упоминалось Л. М. Кагановичем в его беседах с Феликсом Чуевым [1]. В последнем разговоре Жюль Эмбер-Дро с Бухариным, состоявшемся в начале 1929 года, где Бухарин указал, что его оппозиционная группа приняла решение использовать против Сталина индивидуальный террор, примечательно то, что сообщение об этом исходит из источника, который относится к Бухарину с симпатией. Стивен Коэн в своей благожелательной биографии Бухарина пишет, что Жюль Эмбер-Дро был одним из немногих лидеров Коминтерна, кто остался лоялен Бухарину после шестого конгресса Коминтерна в 1928 году [2]. Вторая примечательная особенность нижеприведенного разговора состоит в том, что он, несмотря на широкую доступность мемуаров Эмбер-Дро, никак не упоминается в обширной литературе о Бухарине, распространившейся на Западе за последние десятилетия. Это явное упущение высокоценной биографии Стивена Коэна о Бухарине, в которой по другим пунктам есть обращения к произведениям Жюль Эмбер-Дро.

Значимость беседы с Бухариным не упустил из вида рецензент воспоминаний Эмбер-Дро на страницах 'Литературного приложения к Times' больше тридцати лет тому назад:

«Но в мемуарах отчет о разговоре содержит один пассаж, который... внезапно потрясает читателя:

Бухарин также сказал мне, что они решили использовать индивидуальный террор, чтобы избавиться от Сталина.

- Эмбер-Дро ответил, что он против индивидуального террора (т.е., убийства), который большевики никогда не одобряли. По данному вопросу он больше не даёт никаких дальнейших комментариев. Обычно принято считать, что когда власти бросили оппозиции обвинения в заговоре и терроре, сами они стали жертвами воспалённого воображения или придумывали отговорки, чтобы оправдать свои репрессии. Возможно, это предположение чрезмерно наивно. Возможно, если Бухарин и сказал это, слова ещё не были превращены в планы. Говорят ли серьёзные заговорщики о таком с посторонними? На сегодня к этому странному, почти случайному откровению должен быть добавлен большой знак вопроса.' [3]

Анонимный рецензент 'Литературного приложения к Times' заслуживает похвалы – он привлёк внимание интересующихся советской историей к разговору Бухарина об убийстве Сталина. Но не надо ставить 'большой вопросительный знак' на это откровение. Жюль Эмбер-Дро не был "посторонним", во время этого разговора он был приверженцем Бухарина (позже он вступил в ряды швейцарской социал-демократии). Более того, похоже, что слова Бухарина были 'превращены в планы'. Можно сослаться на одну из

бесед Л.М. Кагановича с советским поэтом и репортёром Феликсом Чуевым, в которой вспоминается перекрёстный допрос Бухарина на заседании Политбюро:

« – Была очная ставка его с Куликовым. Был такой Куликов, москвич. Собрались члены Политбюро, Куликов Бухарину говорит: «А ты помнишь, Николай Иванович, как ты меня под руку взял и пошли мы с тобой по Воздвиженке, а я тебе говорю: "Что вы там чепухой занимаетесь, болтаете, а надо действовать, по-настоящему действовать надо!" Бухарин отвечает: "А где ваши люди? Кто будет действовать?" – "Найдутся люди". – "А ты почему сам не можешь действовать? Террором заниматься? "»

– Этого я не говорил! – кричал Бухарин.

– Как же не говорил, когда ты у меня спрашивал фамилии людей, чтоб я тебе назвал, кого я представляю. – Это говорит Куликов, член бюро Московского комитета, секретарь райкома, рабочий-кожевник, очень грамотный человек такой.

Серго [Орджоникидзе – *ред.*] спрашивает у Бухарина: – Николай, ты это говорил?

– Да, – отвечает, – говорил.

– Как же ты мог?!

Я подумал, что Серго сейчас его ударит.»

Показания Куликова дополняются показаниями Слепкова, другого сторонника Бухарина, который также был допрошен на очной ставке в заседании Политбюро :

«... Слепкова спрашивали на очной ставке: «Посылал вас Бухарин на Северный Кавказ?»»

– «Посылал»

– «Какие он задания вам давал?»»

– «Давал задания такие, чтобы мы выявили настроение казаков, кубанских и донских, готовы ли они к чему-нибудь или не готовы?»»

Опять спрашивают Бухарина: «Говорил ты ему это?»»

Тот запнулся: «Да, говорил».

Опять Серго вскакивает: «Неужели ты мог такое говорить?»»

– «Я тогда был противником всей политики ЦК, а сегодня – нет». [4]

Очевидно, что те и другие, и кто симпатизировал Бухарину, и кто был к нему враждебен – Жюль Эмбер-Дро и Лазарь Каганович, соответственно, – согласны с тем, что он поднимал вопрос о применении индивидуального террора против Сталина.

Виджай Сингх

Ссылки:

1. Feliks Chuyev, 'Thus Spoke Kaganovich', 'Revolutionary Democracy' Vol. 1, No. 2, September 1995, pp. 32-33. Ф. Чуев, Так говорил Каганович, Российское товарищество «Отечество», М., 1992.
2. Stephen F. Cohen, 'Bukharin and the Bolshevik Revolution', Oxford University Press, New York, 1980, p. 394.
3. 'Times Literary Supplement', 23.6.1971, p. 733.
4. Feliks Chuyev, *loc. cit.*

А вот замалчиваемая страница из воспоминаний Ж. Эмбер-Дро

«Перед отъездом я зашел, чтобы увидеть Бухарина, не зная, смогу ли по возвращении увидеться с ним вновь. У нас состоялась длинная и откровенная беседа. **Он поставил меня в известность о связях его группы с фракцией Зиновьева—Каменева, чтобы координировать борьбу против власти Сталина.** Я не скрыл от него, что не одобряю эту связь с оппозицией. «Борьба против Сталина — это не политическая программа.

Мы резонно боролись с программой троцкистов по важнейшим вопросам, с кулацкой опасностью в России, с теми, кто выступал против объединенного фронта с социал-демократами, с проблемами Китая, с крайне близорукой революционной перспективой и т.д. На следующий день после победы над Сталиным политические проблемы разделят нас. Этот блок — блок без принципов, которые разрушатся задолго до достижения каких-либо результатов». **Еще Бухарин сказал мне, что они решили использовать индивидуальный террор, чтобы избавиться от Сталина.**

По этому вопросу я тоже выразил свое замечание: превращение индивидуального террора в средство политической борьбы, порожденное русской революцией, способно обернуться против тех, кто его использовал. Террор никогда не был революционным оружием. «По моему мнению, мы должны продолжать идеологическую и политическую борьбу против Сталина.

В ближайшем будущем его линия приведет к катастрофе, которая раскроет глаза коммунистам и приведет к изменению ориентации. Фашизм угрожает Германии, и сопротивляться ему наша партия болтунов будет неспособна. Перед разгромом Коммунистической партии Германии и до распространения фашизма в Польше и Франции Интернационал должен изменить политику. Тот момент и станет тогда нашим часом.

Необходимо соблюдать дисциплину, принимать сектантские решения, борясь и выступая против левацких ошибок и поступков, но продолжать борьбу, оставаясь в строго политических рамках». **Бухарин, несомненно, понял, что я не буду вслепую присоединяться к его фракции, единственная программа которой сводилась к тому, чтобы заставить Сталина исчезнуть.**

Это была наша последняя встреча. Ясно, что он не был уверен в предложенной мной тактике»

Courtesy: Jules Humbert-Droz, 'De Lénin à Staline, Dix Ans Au Service de L' Internationale Communiste 1921-31', A la Baconnière, Neuchâtel, 1971, pp. 379-80..